

А. М. Григораш

**ФРАЗЕОЛОГІЧНІ ІНТЕРНАЦІОНАЛІЗМИ ЯК УНІВЕРСАЛЬНЕ ЯВИЩЕ
В РОСІЙСЬКІЙ І АНГЛІЙСЬКІЙ МОВАХ (ЗІСТАВНИЙ АСПЕКТ)**

У статті подано функціональну типологію мовних універсалій у фразеологічних інтернаціоналізмах у російській і англійській мовах.

Ключові слова: російська й англійська мови, компаративістика, фразеологія, інтернаціоналізми.

A. M. Grigorash

**PHRASEOLOGICAL INTERNATIONALISM AS A UNIVERSAL PHENOMENON IN
RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES (CONTRASTIVE ASPECT).**

The article is dedicated to one of the most important problems of modern linguistics. That is a typology of internationalisms in the world's languages. The article deals with internationalism in Russian and English phraseology.

Keywords: Russian and English, comparativistics, phraseology, internationalism.

УДК 801.82:811.161.1'367.4"16"

Л. Н. Гукова

**Прагматический потенциал речевых актов адресации
в "грамотках" XVII века**

Статья посвящена анализу речевых актов адресации в русском языке XVII в., а именно в одном из жанров речевой коммуникации — в "грамотках". Рассматриваются схемы представления адресата и адресанта, их лексическое наполнение, семантико-синтаксический и прагматический потенциал.

Ключевые слова: речевой акт, адресат, адресант, интенция, функция, прагматический.

"Грамотка" представляет собою одну из разновидностей эпистолярного текста XVII — нач. XVIII в. (это частное письмо) и может быть охарактеризована с композиционной, семантико-синтаксической и прагматической точек зрения. Все эти параметры у "грамоток" XVII — нач. XVIII в. в значительной степени отличаются от современного письма. Синтаксис "грамоток" в свете теории речевой коммуникации не был предметом специального исследования, и поэтому нам представляется актуальным обращение к прагматическому аспекту речевых актов адресации в них.

Письмо, как показывают наблюдения, во все времена было не только способом общения и передачи информации. Гораздо чаще оно служит средством для достижения определенных целей, средством передачи и внушения некоторых интенций по изменению тех/иных обстоятельств в окружающем мире. То есть среди его многочисленных функций есть и функция воздействия, расчёт на определенный посткоммуникативный эффект.

Исследователи эпистолярного жанра, говоря о композиции письма, выделяют в нем обыкновенно три части: зачин, "деловую часть и заключение" [6:302]. Нам представляется, что, наряду с композицией, специальному анализу в письме подлежит также его семантическая структура, тем более что некоторые из компонентов композиции характеризуются именно по их семантической функции. Семантическая структура "грамоток" включает следующие компоненты: 1) обозначение адресата и адреса; 2) координаты адресанта; 3) совокупность социативных этикетных формул начала, конца, середины письма; 4) предмет речевого взаимодействия, содержательно-информативный компонент письменного общения — собственно сообщение; 5) хронологизация письма; 6) отметки о прохождении и вручении письма. При этом семантические компоненты 1–3 и 5–6 образуют композиционную рамку письма.

Предмет речевого взаимодействия, основная содержательная часть письма всегда носили индивидуализированный характер, а способы их представления и способы оформления всех других компонентов имели, с одной стороны, в известной степени стандартизированный для каждого данного отрезка времени характер [6:301–306], а с другой — отражали личность коммуникаторов и изменения в процессе развития жанра. И композиционная рамка, и собственно сообщение "грамоток" репрезентируют нормы конвенционального общения, то есть вежливых, социально приемлемых форм речевого взаимодействия соответствующего периода.

Каждую "грамотку" можно рассмотреть с двух сторон: как инициирующее речевое высказывание и как ответное, представляющее собою реакцию на предшествующее письмо, — и в зависимости от этого выделить в его содержании некоторые серии речевых актов (РА). Как в инициирующем, так и в ответном письме представлены, прежде всего, РА фатической ориентации: *пожелания здоровья адресату и его семье, благодарность за внимание, за ответ на письмо; некоторые формулы реагирования на стимулы адресанта и т. п.* Во-вторых, в зависимости от позиции в письменном диалоге, в "грамотке" могут быть представлены содержательно и прагматически противопоставленные РА разных типов: *сообщения, вопросы и ответы, советы, рекомендации, инструкции, распоряжения, предостережения*, отражающие тип взаимоотношений между адресантом и адресатом; *информация о приятных/неприятных событиях в жизни семьи, друзей; жалобы; неудовлетворенность положением дел, которые обсуждаются; разнообразные просьбы; эмоциональная и оценочная информация* разных типов.

И, наконец, можно выделить РА, совмещающие несколько функций. Такими назовём, в частности, РА *адресации*, включающие *представление адресата и адресанта*, т. е. РА, в которых отражены обязательные компоненты любой коммуникативной ситуации. Именно они и являются предметом анализа в данной статье.

Рассматривая РА, включающие семы "куда", "кому" и "от кого" письмо, отметим ряд существенных отличий "грамотки" от современного письма: 1) адрес и адресат включены как речевые шаги в структуру самой "грамотки"; 2) адресация могла быть представлена либо полной, либо (в связи с тем, что письма часто передавались с оказией) редуцированной формой — без указания места пребывания адресата; 3) расположение этих компонентов "грамотки" в XVII — нач. XVIII в.в. не было фиксированным: обозначение адресата может быть представлено либо в начале, либо в конце письма; иногда оно представлено в обеих этих позициях; 4) именование адресата и координаты адресанта, как правило, включаются в состав одного высказывания (хотя обозначение адресанта, как и адресата, также могло дублироваться).

Модель компонента адресации имеет несколько вариантов: 1) чаще всего дано сначала именование адресата в форме *дат пад.*, затем — адресанта: в конструкции *такой-то (им. пад.)... — бьёт челом*; 2) реже адресант представляет сначала себя — формой *от + род. пад.*, затем адресата — формой *дат пад.*; 3) и ещё реже адресат представлен в конструкции обращения — формой *им. пад.*, адресант — тоже формой *им. падежа*.

Но это варианты только формального минимума (схем) данного компонента. Реализация и обычно представляет собою развёрнутые, распространенные конструкции. И при этом в характере их распространения кодируется информация, которая отчасти учитывает интересы адресата, отчасти отражает такие параметры речевой ситуации, как дистанция между партнёрами переписки и коммуникативные интенции отправителя сообщения, и которая в то же время отражает национально-культурные традиции и лингвостилистический арсенал определенной эпохи — в нашем случае русского языка XVII в.

Лексическое наполнение, семантика и синтаксическая организация конструкций адресации в "грамотках" XVII в. отражают информативную и социативную (контактоустанавливающую) интенции, но они выполняют также прогнозирующую и текстообразующую функции. Прагматический эффект этих конструкций обеспечивается тем, что инициатор письменного общения (адресант), как правило, всячески возвышает адресата и по возможности снижает свою позицию. Таким способом здесь формируется прагматическая оппозиция как текстообразующий фактор [351]. Ядром этих конструкций являются имя собственное адресанта и адресата. Но имя адресата представлено, как правило, двучленной формулой (имя + отчество) и обязательно сопровождается рядом разнообразных атрибутивных распространителей и категоризаторов, отражающих

щих социальные, родственные, дружеские и т. п. отношения; называющих титул адресата. А имя адресанта (в зависимости от симметрии/асимметрии отношений) презентуется либо конструкцией нейтральной (тоже двучленной, но включающей, как правило, имя и фамилию, и только в отдельных случаях имя и отчество); либо экспрессивной, катафорической (греч. *kataphora* — "низвержение") — самоуничижительной конструкцией. Но общение во всех случаях (за редким исключением) осуществляется на ТЫ.

При этом в двух первых моделях обращение, которое в современном русском языке является доминантной формой выражения адресации [4:135], входит в РА здравицы [6:] адресату, то есть в данном случае номинация адресата многократно повторяется, а функции собственно адресации и апелляции разведены. Напр.: *Государю моему кнзю Василью Василевичю князь Ивана Васильевича Голицына жена Ульяа челом бьет пожалуйа гсдрь кнзь Василей Василевич вели ко мне писать о своем многолѣтном здорове какъ тебя гсдря моего бгъ милует.* И в конце письма (на обороте листа): *Гсдрю моему кнзю Василью Василевичю* (У. И. Голицына В. В. Голицыну; 12 августа 1677г.) [5:23]. Распространенная конструкция адресации в дат. пад. может быть охарактеризована как специализированный знак письменной коммуникации, а конструкция с обращением — как универсальный апеллятивный знак. И повтор конструкции с дат. пад. в конце письма, а также вынос координат адресата на оборот листа — сигнал будущей дифференциации формальной, внешней, части письма и его содержательной части. Тем не менее, здесь налицо отличительный хронологический элемент: на внешней части письма сохраняются лексико-грамматические маркеры прагаинформации: лично-притяжательное местоимение; титульный категоризатор; категоризаторы, маркирующие родственные отношения адресанта и адресата; приложения, отражающие ласково-уважительные взаимоотношения коммуникантов: "*государю моему... князю Василью Васильевичю*"; *гсдрю моему свѣту племяннику кнзю Василью Васильевичю; свѣту моему кнзю Василью Василевичю; Гсдрю // милостивому ко мнѣ приятелю и заочному добродѣлю* [5: 16–23].

Лексическое наполнение этого компонента в языке XVII в. нельзя квалифицировать однозначно: во многих случаях оно является просто элементом этикетного клише, но может служить также знаком либо близости коммуникантов, либо совсем наоборот — знаком асимметрии ролевых позиций.

При этом реализация конструкции адресата в "грамотках" XVII в., несмотря на существование стереотипа, отражает индивидуальный стиль адресанта и его умение активизировать прагматический потенциал данного семантического компонента. Это выражается, в частности, в использовании метафорических именовании адресата и симметричных синтаксических повторов. *Гсдрю моему // милостивому отцу моему Федору Васильевичу / Петрунка Палицын челом бью* (П. Палицын Ф. В. Бородину) [2: 26].

Количество категоризаторов и атрибутивных распространителей при ядерной конструкции именовании адресата также отражает индивидуальный стиль адресанта и определенные его интенции: *Царских пресветлых величеств стольнику гсдрю моему брату Ивану Александровичю Стенка Лыкошин челомъ бьетъ.* (С. Лыкошин И. А. Снарскому) [2: 123]; *Гсдрю // милостивому ко мнѣ приятелю и заочному добродѣлю / Ивану а батюшку твоего гсдря опаметовал с Вятки з Хлынова Матюшка Карпов снѣ Платуков много челом бью...* (М. К. Платуков М. Сафонову) [2: 174].

Презентация адресанта, как мы уже отметили, — обязательный семантический компонент "грамотки". Здесь может быть нейтральная конструкция "имярек ...челом бьет / бью": *Государю моему племяннику кнзю Василью Василевичу дядя твой Михайло Голицын челом бьет* (М. А. Голицын В. В. Голицыну) [5: 23].

Как видим, нейтральное самопредставление адресанта отражает социальное равенство и возрастную субординацию по отношению к адресату. А вот двоюродный брат брату, жена мужу, дети отцу или матери, люди, находящиеся хоть в какой-либо степени на более низкой социальной ступеньке, осуществляют самопредставление непременно в виде катафорической конструкции — с самоуничижением: *Гсдрю моему брату кнзь Василью Василевичю Бориско Голицын челом бью...* (Б. А. Голицын В. В. Голицыну) [5: 24]; *Гсдрю моему кнзю Василью Василевичю женишка твоя Дунка много челом бьет...* (Е. И. Голицына В. В. Голицыну) [5: 21–22]; *Гсдрю*

нишему батюшку князю Василю Василевичю дочеришки твои Арютка да Дунка благословения прося и много челом бьют ... (А. В. и Е. В. Голицыны В. В. Голицыну) [5: 24]; Гсдрю моему милосердому боярину князю Василю Василевичю по всегдашней раб милости твоей Гришка Титовъ челомъ бьетъ (Г. Титов В. В. Голицыну) [2:147]. Самоуничижение даже в пределах одной грамотки выражается несколькими способами: это имена существительные с суффиксами уничижительности, разнообразные приложения — типа *раб твой, сирота твои, холоп твои, слуга твои* и под., разнообразные определения и к имени собственному, и к приложению. И эта номинация адресанта, как правило, предидируется оборотом "челом бить": *Блгочасному и блгороднейшему и млстивому гсдрю князю Василю Василевичю вечной усердной раб блгородия твоего убогий и многогрешной Федка Нарбеков присно тебѣ гсдрю...и много челом бьет...* (Ф. Нарбеков В. В. Голицыну) [2: 142]; *Гсдрю боярину князю Василю Василевичю холопъ твои Матюшка Боевъ челомъ бьет...* (М. Боев В. В. Голицыну) [2:132].

Конечно, такой способ самопредставления адресанта — это принятое в то время клише и наиболее очевидный компонент фатического общения. Мы его обнаруживаем даже в письмах царственных особ: *Паче живота моего в мире семь любимой матери моей, великой государыни царице и великой княгине Наталии Кириловнѣ недостойный сынъ твой Петрушка во многожелании благословения твоего челомъ бью...* (Петр I матери, царице Наталии Кирилловне) [7: 15]; *Милостивому моему Государю батюшку, Царю Петру Алексеевичю, сынишко твой Олешка, благословения прося, и челом бьет* (Царевич Алексей Петру I) [8: 2–3].

Однако характер распространения основной схемы и адресата, и адресанта отражает индивидуальные особенности стиля пишущих и богатый арсенал средств эпистолярного стиля в русском языке XVII в. Так, конструкция *челом бью*, используемая в компоненте самопредставления адресанта, имела значение "кланяться и приветствовать" (хотя в других документах это могут быть значения "просить", "жаловаться", "благодарить"), но в то же время она служила средством выражения социальной позиции адресанта и его психологической интенции. Коммуникатор, находящийся на одной социальной ступени с адресатом или на более высокой ступени, эту конструкцию в письмах не использует. Вот Петр I, адресуясь к царице-матери, "челом бьет в многожелании благословения", он варьирует в этом РА несколько оборотов. А княгиня Татьяна Ивановна Голицына в своих письмах к сыну, выражая к нему все знаки уважения и любви, не бьет челом, но и не просит благословения, а сама благословляет сына. *Свету моему князю Василю Василевичю буд на тебѣ свѣтъ мои млсть бжия и мое грешное блгсловение. отине и до вѣка* (Т. И. Голицына В. В. Голицыну) [5: 16–21].

В письмах подобного типа вежливость адресанта (как составляющая конвенционального общения) эксплицирована иными средствами: она представлена, например, самоуничижением перед Богом: "мое грешное благословение", хотя "милость Божия" и материнское благословение поставлены в однородный ряд. Зато дочери или сыновья, менее сановные, нежели Петр I и царевич Алексей, адресуясь к родителям, непременно "много челом бьют". А адресант, обращающийся с просьбами к адресату, пишет: "гсдарю моему брату Михаилу Федоровичю да сестрице Марюшке Федоровне братишко ваш Петрунка челом бью рабский до лица земнаго" (П. Палицын Ф. В. Бородину) [2: 26–27].

В современном русском языке сохранился рефлекс этой модели самопредставления — фразеологическая конструкция "ваш покорный слуга".

Вторая модель самопредставления адресанта отличается лаконичностью и наполняется психолого-прагматической информативностью вследствие сочетаемости с формулой адресата: *От Дмитрея Василевича сну моему Прокофью Дмитриевичю ...* (Д. В. Михалков П. Д. Михалкову) [5: 40–41]; *От Дмитрея Василевича в вотчину нашу рязанскую... старосте Микеше Попкову и всем кресяном* (Д. В. Михалков М. Попкову) [5:42]. Здесь не существенно, как поименованы адресаты, а вот конструкция самопредставления адресанта (без катафоры) прогнозирует характер содержательной части письма: оно носит информативный и директивный характер; в нём отчетливо представлена семантика экзерсивности (проявление влияния и власти). Такое же оформление позиции адресанта находим в письмах мужа к жене, где представлена семантика покровительства, любви и уважения. *От Петра Василева жене моей Параскове Лукояновне с любовию поклон здравству на многие лѣта дочери моеи блгсловение...* (П. В. Окулов жене Парасковье Лукьяновне) [2: 236].

Две первые модели объединяются тем, что в них инициальное обращение и здравица отделены от конструкции адресации. Они образуют отдельный РА. Третья модель характеризуется тем, что в ней адресация представлена инициальным обращением, которое включено в здравицу, т. е. это одно высказывание; и эта модель в конструктивном плане ближе к современному письму: *Мои гсдрь Федор Василевич здравствуи на множество лѣт... при семь слуга твой Василей Маслов члм бю.* (В. Е. Маслов Ф. М. Бородину) [2: 26]. Но в "грамотках" с таким способом представления адресата компонент адресации повторяется в конце письма, часто на обороте листа: *Отдать в Чебоксарех гсдрю моему Федору Василевичу Бородину.* [Там же].

При этом обращение как способ именованя и представления адресата также представляет собою в "грамотках" XVII в. развернутую (распространенную) конструкцию, включающую больший или меньший арсенал категоризаторов и определений. И тот или иной набор распространителей, во-первых, демонстрирует "стремление адресанта удовлетворить ожидания адресата" [3: 76] и, во-вторых, в известной степени прогнозирует общий характер содержательно-информативной части письма: то ли это письмо вежливости, то ли это письмо-деловое поручение, то ли письмо-отчёт о делах, то ли письмо-просьба и т. п.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

I. Рассмотренные РА представления адресата и адресанта и языковые конструкции, в которых они воплощаются, выполняют не одну какую-либо функцию; в них представлены элементы разных функций, но доминирующей среди них является этаблирование речевого общения. "Эта интенция принадлежит речевому поведению и интегрирует содержательные функции высказывания согласно двум коммуникативным интенционалам: общению и сообщению"[1:135].

II. Этикетное клише РА адресации как инвариант имеет серию вариантов, сигнализирующих, во-первых, о письменной форме общения; во-вторых, о коммуникативных и социальных ролях участников общения; в-третьих, о содержательно-информативной перспективе речевого взаимодействия; в-четвёртых, о хронологически и национально отмеченных особенностях письменного речевого общения; в-пятых, о некоторых индивидуальных стилистико-языковых особенностях инициатора речевой коммуникации.

III. Лексическая и конструктивно-синтаксическая вариативность в составе клишированных в основе своей РА фатического общения отражает лексическое и стилистическое разнообразие и богатство, высокую речевую культуру участников письменного общения.

1. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. — М., 1993.
2. Грамотки XVII — начала XVIII века. — М., 1969.
3. Жук Л. Я. Прагматичні засади функціонування категорії адресації в текстах англомовного прикладу // Функціональна лінгвістика: Ітоги і перспективи. Матеріали конференції. Ялта, 30 сент. — 4 окт. 2002 г. — Симферополь, 2002.
4. Курдюмова И. А., Крулькевич М. И. Языковые формы адресации в деловой речи Донецкого региона // Функціональна лінгвістика: Ітоги і перспективи. Матеріали конференції. Ялта, 30 сент. — 4 окт. 2002 г. — Симферополь, 2002.
5. Московская деловая и бытовая письменность XVII века. — М., 1968.
6. Отин Е. С. "За сим лаки здравствуй!" (Зачины и концовки писем в XVII — XVIII в.) / Избранные труды по языкознанию. — Донецк, 1999. — Т. II.
7. Письма и бумаги императора Петра Великого. — Т. I (1688 — 1701). — СПб, 1887.
8. Письма русских государей и других особ царского семейства. — т. III. Переписка царевича Алексея Петровича и царицы Евдокии Федоровны. — М., 1862.
9. Шнитке Е. Выбор номинации лиц при первом упоминании (на материале бытовой монастырской переписки XVII в.) // Русский язык сегодня: Сб. статей. — М., 2000. — Вып. 1.

Л. М. Гукова

ПРАГМАТИЧНИЙ ПОТЕНЦІАЛ МОВЛЕННЄВИХ АКТИВ АДРЕСАЦІЇ У "ГРАМОТКАХ" XVII СТОЛІТТЯ

Статтю присвячено аналізу мовленнєвих активів адресації в російській мові XVII ст., а саме в одному з жанрів мовленнєвої комунікації — в "грамотках". Розглядаються схеми представлення адресата і адресанта, їх лексичне наповнення, семантико-синтаксичний і прагматичний потенціал.

Ключові слова: мовленнєвий акт, адресат, адресант, інтенція, функція, прагматичний.

L. N. Gukova

PRAGMATIC POTENTIAL OF THE SPEECH ACTS OF ADDRESSING IN THE SO CALLED "GRAMOTKI" (PRIVATE LETTERS) OF THE XVII CENTURY

The article is dedicated to the analysis of the speech acts of addressing in the Russian language of the XVII century, namely in one of the genres of the speech communication — in the "gramotki" (private letters). The subject of consideration is the addressee and receptor presentation schemes, lexical sense, and semantic-syntax and pragmatic potential.

Keywords: speech act, addressee, receptor, intention, function, pragmatic.

УДК 811.161.1'373.49

М. Б. Гульчин

Синестетические детерминанты визуальных впечатлений в русской художественной речи

Статья посвящена анализу синестезем визуального происхождения. В частности, показано, что аудиально-визуальная метафора используется для передачи интенсивности впечатления. Если тактильно-визуальные метафоры характеризуют цвет, предикаты с одорическим или вкусовым значением передают гедонистическую, эмоциональную оценку визуального впечатления.

Ключевые слова: русский язык, семантика, метафора, синестезия.

Многоаспектность феномена синестезии приводит к тому, что он является предметом изучения разных наук: философии, психологии, физиологии. Синестезия же как языковое явление — семантический перенос, состоящий в употреблении слова, связанного с одним органом чувств, в значении, относящемся к другой психической модальности, — изучена крайне мало. Западные и российские исследователи (С. Ульманн [12], Б. Л. Уорф [13], Д. Н. Шмелев [14], В. Г. Гак [4], С. В. Воронин [3], Н. А. Кожевникова [9], И. Н. Горелов [5]) обычно лишь констатируют наличие синестезии в языке, отмечая ее как языковую универсалию либо указывая на необычность отдельных примеров из художественной литературы. Дискуссионным остается вопрос о месте синестезии среди других типов переносного значения слов, нет сколько-нибудь убедительной типологии синестезем в языке, а наименее изученным является вопрос об их семантике. Отдельные попытки восполнить эти пробелы в научной литературе нами уже предпринимались [6], [7], [8]. Задача данной статьи — выявление семантики типичных синестетических определителей зрительных впечатлений в русской художественной речи XIX–XX вв.

Зрительные образы, преобладающие в художественных описаниях, — это характеристики света и цвета, формы, размера (высоты, длины, ширины, глубины и пр.) предметов, иногда визуальные свойства действий и их обстоятельств и т. п. Синестетические детерминанты (семантические предикаты), происходящие из иных психосемантических модальностей, довольно часто применяются к характеристике этих объектов. При этом, как всегда при синестезии, они оказываются в "слабой семантической позиции" [11: 274] и приобретают секундарную визуальную семантику.

Ассоциативный смысл аудиально-визуальных синестезем состоит в том, что процессы, воспринимаемые зрением, соотносятся с процессами звучания. Общим параметром для слуха и зрения является понятие *интенсивности*. Интенсивность звучания характеризуется как *громкость*. Звуковые лексемы, включающие в состав своей семантики сему 'громкость', могут использоваться в качестве синестезем со значением интенсивности процесса зрительного восприятия (*пристальный*), заметности, яркости воспринимаемого зрением объекта (*кричащий, яркий, пестрый* и т. п.). Так, в примере "Пожалуйста, / *Громче смотрите* / *Во все колокола и глаза* <...>" (В. Каменский) синестезема *громче* имеет значение '*пристальнее*'. Лексемы *кричащий* и *крикливый* традиционно имеют в языке синестетический аудиально-визуальный смысл. *Кричащий* — это вообще 'обращающий на себя внимание чем-н. необычным, странным, вызывающим' (*наряд, заголовок*).